

4. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М., 1974. Т. 2.
5. Намруева Л.В. Роль исторической памяти в формировании патриотизма // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в ВОВ 1941–1945 гг.: материалы Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. В.Б. Убушаев. Элиста, 2005.
6. Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
7. Теория воспитания. Лабораторно-практические занятия для студентов: учебное пособие / под ред. И.А. Тютюковой. М., 2000.
8. Ефанова О.А., Лаврухина Е.А. Доминанты исторической памяти россиян: знания, оценки и отношение к Великой Отечественной войне. URL: <http://credonew.ru/content/view/482/57/>
9. Бембеев В.Ж. О новых попытках очернения «наказанных народов» // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в ВОВ 1941–1945 гг.: материалы Межрегиональной научно-практической конференции / отв. ред. В.Б. Убушаев. Элиста, 2005.
10. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>
11. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 4 т. М., 1974. Т. 4.
12. Кусмарцев М.Б. Наследие Сталинградской битвы и российский патриотизм: грани интеграции (70-летию Сталинградской битвы посвящается) // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. 2012. № 2 (16). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1346137297.pdf>

V.A. Ruchin, A.V. Ruchin
Sociocultural Risks of the Events
of October 1917

The specificity of sociocultural risks of Russia during the radical transformations of the institutions of family, education and entrepreneurship that emerged in severe conflict of different models of development is considered. The analysis is focused on the reasons for the collapse of the Orthodox civilization, which happened as a result of its collision with the Marxism ideology.

Key words and word-combinations: education, family, entrepreneurship, social institution.

Рассматривается специфика социокультурных рисков России в условиях радикальной трансформации институтов семьи, образования, предпринимательства, возникших на фоне острого конфликта носителей различных моделей развития. Анализируются причины коллапса православной цивилизации, возникшего в ходе ее столкновения с идеологией марксизма.

Ключевые слова и словосочетания: образование, семья, предпринимательство, социальный институт.

УДК 354:94(47)“1917/1991”
ББК 66.3(0),123+63/3(2)6

В.А. Ручин, А.В. Ручин

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
РИСКИ СОБЫТИЙ
ОКТАБРЯ 1917 г.¹

Великая Октябрьская революция — событие мирового масштаба, в ходе которого сложилась принципиально иная картина социальных институтов. Процесс трансформации общества проходил в условиях ожесточенной классово-политической борьбы, завершившейся приходом к власти сторонников марксизма и возникновением новой комбинации компонентов российского общества [1, с. 94].

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (№ 15-33-12009).

В итоге принудительная модернизация социальной структуры породила риски деформации цивилизационной матрицы России.

К. Маркс, являясь активным сторонником рабочего движения, по сути, был носителем европоцентристского подхода, в основе которого лежали представления о единых законах движения человечества к универсальной общественной формации. Идея основоположника марксизма о восходящей динамике социальной организации перекликается с идеями других представителей универсального подхода, таких как О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, М. Вебер [2]. Последний утверждал, что общество развивается по восходящей — от низших к высшим, более совершенным типам рациональности [3], например, от католической этики к этике протестантской. Данное утверждение созвучно с мыслью о том, что «духовное производство», в отличие от экономического, — это всего лишь «старые идеи» и духовное зависит от партийного [4, с. 99—105]. Социальная рационализация в духе научного коммунизма ориентирована на материальное производство и сводится к особой роли человека. Человечество понимается как глобальная совокупность индивидов, и в этом смысле марксизм можно рассматривать как одну из европейских моделей глобализации.

Большевики, исходя из этой модели, толковали развитие своей страны как освобождение от традиционализма, а социальную рационализацию — как утверждение интернационального над национальным. Марксизм-ленинизм стал частью европейского подхода и инструментом преобразования российской цивилизации в соответствии с коммунистическими принципами. Известно, что марксистская интерпретация универсального закрепляла сложившийся в Европе термин «отсталость» за обществами, явления социально-экономической и культурной жизни которых иные, то есть отклоняющиеся от западного пути. Культурная, религиозная составляющие общественного развития, в том числе и национальные интересы [5, с. 419—459], отодвигались на задний план, уступая место всеобщности исторического процесса. Примечательно, что для характеристики Востока К. Маркс пользовался стигматизирующей дефиницией «азиатский способ производства».

В.И. Ленин по отношению к России твердо стоял на позициях основателя марксизма: «...пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось ненормальным или недоразвитым”» [6, с. 522]. В целом приверженцы пролетарской революции видели в православной и многонациональной России архаичное социально-экономическое образование, требующее радикальных перемен.

Существует и другая парадигма исторического развития, иной подход к цивилизационному феномену России [2]. К примеру, в концепции Н.Я. Данилевского «культурно-исторический тип» понимается результат социокультурного многообразия в противоположность идеям универсализма. Н.Я. Данилевский убеждал, что высшая точка развития человечества не может принадлежать исключительно одному типу цивилизации, то есть глобальный

социум по своей природе не может быть абсолютно однородным или однополярным. Более того, господство одного культурно-исторического типа и его распространение на весь мир означало бы «постепенную деградацию народов» [7, с. 6]. Человечество, по мнению Н.Я. Данилевского, — это не совокупность однотипных индивидов, а всего лишь «абстракция, пустое понятие, а народ — конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое» [7, с. 6].

Оснований для критики российского общества и государства начала прошлого столетия было достаточно, поскольку страна представляла собой централизованное бюрократизированное, включая и религиозные организации, общество. В «...бюрократизированном обществе “порядок” возведен в высшую ценность политической жизни и ассоциируется с жестким нормированием общественной и личностной среды, с четким исполнением установленных государством предписаний» [8, с. 497—503]. В начале XX в. страна попадает в ситуацию риска, связанного с крайним, ярко выраженным социальным неравенством, неравномерностью развития центра и окраин, отсутствием устойчивых парламентских традиций и низким уровнем политической культуры, снижением в крестьянском сознании веры в царя, ростом радикальных настроений рабочих, расколотостью политических элит, отсталостью ключевых социальных институтов. Особенность исторической ситуации состояла и в многоукладности экономики, и в многообразии культурных ориентаций населения [9, с. 2], и в застарелых религиозных противоречиях, а также жесткой привязанности социальных ролей в силу сословности [10, с. 63—68].

Социальная реальность порождала антагонизмы, а они в российской истории, как известно, часто приводили к смутам и бунтам. Идея бунта, массового неповиновения, находится в глубинных структурах сознания и поведения российского человека. В далеком прошлом бунты возглавлялись необразованными выходцами из народа, а потому организационно были слабо проработаны, но в целом ориентированы на улучшение жизни людей только своей страны. Организаторы же Октябрьского переворота были не только европейски образованны и в высшей степени организованны, но и действовали в другой исторической плоскости — в интересах так называемого человечества. Следует отдать должное интуиции и социологическим знаниям большевиков, которые тонко уловили и использовали стремление российского народа к христианской справедливости и его предрасположенность к бунту, направив недовольство масс на дворянство и буржуазию.

Новая власть, опираясь на социалистические догматы, придала положениям марксизма морально-этический аспект. Любые предпринимательские практики, исторически нацеленные на креативный поиск новых форм социальной и хозяйственной деятельности, на естественное развитие общества, категорически отвергались. Российское предпринимательство как национальное явление вступило в полосу катастрофического конфликта с проводниками

интернационализма. По существу, Октябрьский переворот блокировал естественное развитие отечественной экономики, а вместе с ней и естественное социальное развитие.

В ситуации обширного кризиса без достаточных экономических оснований была поставлена задача построения социализма. Ради этой цели решительно отвергалось все, что олицетворяет общественное согласие, а революционная патетика трансформировалась в «раскольническо-сектантскую» [11, с. 11–16] идеологию. Еще в апреле 1917 г. печатный орган Саратовского комитета РСДРП в редакционной статье заявлял, что с «созывом Учредительного собрания медлить нельзя, воля народа должна быть выражена теперь жестко — торопитесь с созывом Всенародного Учредительного собрания» [12, с. 1], однако уже в октябре это заявление было полностью предано забвению.

Объектами революционного реформирования в первую очередь стали институты семьи и образования. Как известно, эти институты стабилизируют общество, консолидируют его, ориентируют на сохранение национальной идентичности, что объединяет частное и общественное, сливает их воедино [13, с. 554]. Образовательное пространство есть «одна из важнейших форм бытия человека, [которое] проявляется в процессах социализации, входит в социокультурный порядок общества, влияет на менталитет и ценностные ориентации индивидов...» [14, с. 16]. В первые годы революции российские образование и семья на словах были решительно отделены от религии, но на деле советская секуляризация базировалась на идеологии, которой «отводилась роль религии в общественном сознании» [15, с. 99]. Последовавшая ликвидация безграмотности населения, помимо образовательного аспекта, имела ярко выраженный классовый характер. Принятый в 1917 г. декрет «О расторжении брака» внедрил новый способ процедуры развода, фактически поощряя его: «Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них» [16]. Таким образом, между мужчиной и женщиной в противовес консервативным ценностям не только утверждалась новая социальная норма, но и легализовывалась новая пролетарская мораль [5, с. 419–459].

Важно, на наш взгляд, обратить внимание на то, что исторически специфика трансформации социальных институтов определяется институциональным ресурсом. Такой ресурс можно было бы обозначить понятием «социальный комплайнс», которое достаточно точно отображает явления и устойчивости, и податливости социальной структуры. Суть «социального комплайнса» состоит в том, что при внешнем давлении на социальные институты происходит их нелинейная трансформация, а степень устойчивости зависит от национального компонента, способствующего сохранению статус-кво. В пределах определенного исторического периода социальные практики снова возвращаются к своим архетипическим началам. Как известно, цивилизационная матрица России в соответствии «...с контурами модернизационных изменений и паттернами социодинамических трансформаций неоднократно изменялась, но затем возвращалась к устойчивому состоянию, что позволяет говорить об “эффекте колеи”» [17, с. 46].

Социальные технологии революционного переустройства по отношению к институтам семьи, образования, предпринимательства и в целом к социальной структуре во многом достигли цели. Как считали современники событий, это стало возможным потому, что был осуществлен «политический подлог» и «украдено народное доверие» [11, с. 11–13]. Эффективность механизма воздействия универсального на национальное достигалась благодаря использованию мощного информационного давления на основе социальных стереотипов. Возник исторический парадокс: новая социальная структура общества формировалась с опорой на существовавшую в общественном сознании традиционную картину мира. В переломный исторический момент возбужденному социальным и экономическим кризисом народу была навязана модифицированная христианскими смыслами, но глобалистская по сути модель развития. Это, конечно, интуитивно чувствовали участники многочисленных выступлений против советской власти — и прежде всего организаторы и сторонники так называемого Кронштадтского мятежа, выражая свое отношение лозунгом «Власть Советам, а не партиям!».

Радикальная трансформация российского общества, вызванная во многом слабостью самодержавия и противоречивостью Октябрьских событий 1917 г., породила многообразие социокультурных рисков цивилизационной матрицы. Декларируемый как научный, на практике марксистский подход был близок одновременно технологиям заговора и народного бунта. В этом смысле приход к власти партии В.И. Ленина — исторически закономерное явление, хотя его и не поддерживало большинство населения страны. Успехи советской власти можно объяснить ее системной организаторской деятельностью, соответствовавшей социальным ожиданиям наиболее ущемленной части народа и сопровождавшейся контролем информационного пространства, а также политическими решениями в интересах социальной мобильности беднейшего крестьянства. Однако если лидеры известных в прошлом народных выступлений, прибегая к популистским обещаниям, придерживались внутренних интересов страны, то большевики пошли другим путем: их цель была направлена вовне — на преобразование мирового социума. Она уходила настолько далеко за пределы интересов граждан и задействовала столько ресурсов, что в конечном итоге вступила в противоречие с первоначальными лозунгами большевиков.

Библиографический список

1. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2. С. 94–122.
2. Никонов В.А. Российская матрица. М., 2014.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. под общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1990. С. 345–415.
4. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1981. Т. 12. С. 99–105.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

6. *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // *Ленин В.И.* Избранные произведения: в 4 т. М., 1984. Т. 1.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М., 2008.
8. *Устьянцев В.Б.* Власть и порядок в зеркале политической психологии // Современное общество: человек, власть, экономика: материалы III Международной научной конференции (Саратов, 4 апреля 2014 г.): сборник научных статей. Саратов, 2014. С. 497–503.
9. *Будник Г.А.* Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. Вып. 1. С. 1–5.
10. *Сенявский А.С.* Трансформация российского общества в XIX–XX вв. и личностные модели поведения // Человек и личность в истории России, конец XIX–XX век: материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.). СПб., 2013. С. 63–68.
11. В.М. Чернов – В.И. Ульянову-Ленину. «Мы, русские, – другие, мы созданы для испытаний» // Письма В.М. Чернова. 1920–1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста коммент. Г.В. Лобачевой, А.П. Новикова; науч. ред. И.Р. Плеве. Саратов, 2014. С. 11–16.
12. Медлить нельзя // Социал-демократ: орган Саратовского комитета РСДРП. 1917 г. № 4, 10 апр. С. 1.
13. *Конт О.* Курс позитивной философии // Антология мировой философии: в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 553–556.
14. *Устьянцев В.Б.* Образовательное пространство общества риска // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире: сборник трудов Всероссийской научной конференции (Саратов, 2014 г.) / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2014. С. 16–22.
15. *Орлов М.О., Ручин В.А.* Взаимовлияние теологического мышления и философского знания: истоки и реалии // Поволжский торгово-экономический журнал. 2014. № 6 (40). С. 96–102.
16. О расторжении брака: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19 дек. 1917 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_112.htm
17. *Данилов С.А.* Россия как автаркия: риски и потенциал модернизации // Риски цивилизаций и культур в глобальном мире: сборник трудов Всероссийской научной конференции (Саратов, 2014 г.) / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2014. С. 41–43.